

А. С. ПУШКИНЪ.

(А. С. Пушкинъ въ александровскую эпоху. П. Анненкова. Спб., 1874.)

Въ нашемъ журналѣ была не такъ давно помѣщена характеристика Пушкина (1872, № 7), написанная, между прочимъ, по поводу первой книги г. Анненкова о Пушкинѣ. Новая книжка г. Анненкова даетъ только такіе новые матеріалы, которые, насколько не измѣняя прежнихъ нашихъ представленій о Пушкинѣ, касаются лишь частныхъ, на которыхъ въ этой рецензіи мы преимущественно и остановимся. Относительно общей характеристики поэта мы не будемъ много распространяться, отсылая читателя къ упомянутой статьѣ, тѣмъ болѣе, что многія данныя, которыя приводитъ г. Анненковъ изъ новыхъ печатныхъ источниковъ, приведены и въ той характеристикѣ. Повтореніе было-бы скучно.

Пушкинъ имѣлъ большую слабость гордиться своими предками и преувеличивать ихъ доблести. Доблестей-то этихъ въ сущности было немного, но родовыя черты и отцовской, и материнской линій несомнѣнно отразились не только на фізіономіи поэта, но и на его характерѣ. „Арапъ Петра Великаго“ вовсе не былъ такимъ блестящимъ, свѣтскимъ человѣкомъ, какимъ изобразилъ его Пушкинъ въ своемъ романѣ. „Высраденный изъ константинопольскаго двора“, подобно многимъ другимъ арабченкамъ, Абрамъ Ганнибалъ поступилъ ради потѣхи въ Петру, который, замѣтивъ въ немъ способности, сначала самъ сталъ учить его математикѣ и языкамъ, а потомъ отправилъ во Францію. Здѣсь Абрамъ поступилъ въ инженерную школу, терпѣлъ бѣдность и, сдѣлавъ походъ въ Испанію, радъ былъ вернуться домой. Петръ

опредѣлили его въ гвардію, но послѣ его смерти Меншиковъ удалилъ его отъ двора и командировалъ въ Сибирь. Очень ужъ обидно показалось это майору, и онъ бѣжалъ изъ Сибири, былъ пойманъ, три года пробылъ арестантомъ въ Томскѣ, потомъ Долгорукіе, правившіе подъ именемъ Петра II, опредѣлили его на службу въ тобольскій гарнизонъ. Но майоръ бѣжалъ второй разъ и тайно проживалъ въ Лифляндіи цѣлыхъ десять лѣтъ, постоянно боясь за себя и вздрагивая при каждомъ звукѣ колокольчика, напоминавшаго ему курьерскую тройку. Эта слабость осталась у него на всю жизнь. Вообще онъ былъ трусъ большой руки, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ вспыльчивъ и раздражителенъ до крайности и способенъ въ припадкѣ увлеченія бросаться впередъ, очертя голову. Въ Лифляндіи онъ женился на одной нѣмкѣ, которая забрала его въ руки. Когда родился отецъ матери Пушкина, то жена Ганибалы ни за что не хотѣла называть своего сына, его настоящимъ именемъ Януарія, труднымъ для ея нѣмецкаго произношенія, и перекрестила его въ Осипа, замѣчая при этомъ о своемъ сожителѣ: „черне шортъ, дѣлаетъ мнѣ шорна репять и даетъ имъ шертовсѣя имя“. При Елисаветѣ и Екатеринѣ Ганибалъ дошелъ до степеней извѣстныхъ и скопилъ состояніе. Сынъ его Петръ, котораго зналъ поэтъ, былъ тоже генераломъ и специалистомъ по перегону водоевъ и настоевъ, которымъ онъ безъ устали занимался въ отставкѣ. Помощникомъ его въ этихъ опытахъ былъ его крестьянинъ, который по вечерамъ приводилъ стараго арапа въ слезное умиленіе или въ азартъ своею игрою на гусяхъ, а днемъ помогалъ возводить настойки въ извѣстный градусъ крѣпости. Однажды, благодаря какому-то нововведенію арапа, вся дистилляція сторѣла, и его помощникъ заплатился за то своей спиной. Вообще всѣ Ганибалы были горячи, и когда были сердиты, то „людей выносили на простыняхъ“. Необузданность ихъ натуры сильнѣе всего выразилась въ дѣдѣ Пушкина, Осипѣ, развратномъ дебширѣ, принадлежавшемъ къ типу Куролесовыхъ. Отъ живой жены онъ повѣнчался съ дѣвушкой, которую обманулъ самымъ наглýmъ образомъ; императрица Елисавета развела его съ обѣими женами и велѣла жить въ с. Михайловскомъ, выдѣлявъ с. Кобрино первой его женѣ, которая и поселилась здѣсь со своею дочерью, Надеждой Осиповной, матерью поэта. Обруженная съ колыбели всевозможнымъ баловствомъ, лестью,

угодливостію, „преlestная бредла“, какъ называли ее, развлялась въ своеправную, капризную и довольно пустую дѣвушку. Она плѣнила сердце гвардейскаго офицера Сергѣя Львовича Пушкина. Сергѣй Пушкинъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Васильемъ были личности очень характеристичныя. Оба они получили французское воспитаніе, вольнодумничали на манеръ маркизовъ XVIII вѣка, остроумничали на тотъ-же манеръ и вели разсѣянную свѣтскую жизнь, примазываясь преимущественно къ литературнымъ знаменитостямъ. Василій Львовичъ самъ бродилъ стихи, даже составилъ себѣ нѣкоторую репутацію шуточной поэмой „Опасный сосѣдъ“, былъ членомъ Арзамаса, литературнымъ вѣстовщикомъ, добывавшимъ отъ своихъ литературныхъ друзей слухи, новинки и остроты и развозившимъ ихъ по столицѣ, для умноженія шума и говора. „Добрый Василій Львовичъ переходилъ, такъ-сказать, отъ поколѣнія къ поколѣнію“, говоритъ М. Дмитріевъ. Онъ ухаживалъ и за Херасковымъ, и за Карамзинымъ, и за Дмитріевымъ, и за Батюшковымъ, — за всѣми. Вся жизнь этого литературнаго Бобчинскаго прошла въ рысканьи по гостинымъ, въ придумываніи эффектныхъ фразъ, въ сочиненіи стихковъ на заданныя рифмы и т. д. Онъ умеръ въ 1830 г. „Разъ утромъ больной старикъ поднялся съ постели, добрался до шкаповъ огромной своей библіотеки, отыскалъ тамъ Беранже и съ этой ношей перешелъ на диванъ залы. Тутъ принялся онъ перелистывать своего любимаго поэта, вздохнулъ тяжело и умеръ надъ французскимъ пѣсенникомъ“ (Анн., 19). Сергѣй Пушкинъ былъ рѣшительно въ томъ-же родѣ, только еще ограниченнѣе своего брата. Онъ также лѣзъ въ большой свѣтъ, также примазывался къ литературѣ, и въ его домѣ въ Москвѣ бывали Жуковский, Тургеневъ, Дмитріевъ, многіе заѣзжіе артисты, эмигранты и т. д. Онъ не жилъ въ деревнѣ, но своимъ мотовствомъ и безалаберностью совершенно разорилъ свои помѣстья. Онъ пережилъ сына и жену, и въ глубокой старости страстно влюбился въ 16-ти-лѣтнюю дѣвушку, свою сосѣдку по имѣнію. Наканунѣ смерти, едва таская ноги, онъ переживалъ всѣ волненія безнадежной страсти, писалъ пламенные объясненія въ любви на французскомъ языкѣ, проливалъ слезы отчаянія, мечталъ о медовомъ мѣсяцѣ и т. д.

Характеръ Ганнибаловъ въ лицѣ своеправной и капризной

Надежды Осиповны одержаль полную побѣду надъ темпераментомъ омарквизившихся Пушкиныхъ, и Сергѣй Львовичъ вручилъ своей женѣ всѣ бразды домашняго правленія. Дѣло отъ того, впрочемъ, не пошло лучше. Надежда Осиповна тоже любила веселиться и вела свѣтскую, беззаботную жизнь, предоставляя домъ произволу судьбы и по временамъ поднимая въ немъ бурю по поводу обычныхъ беспорядковъ. Очевидецъ, бывавшій у Пушкиныхъ въ 1814 г., когда они уже переѣхали въ Петербургъ, рассказываетъ, что „домъ ихъ всегда былъ наизнанку: въ одной комнатѣ богатая старинная мебель, въ другой—пустыя стѣны или соломенный стулъ; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня съ баснословной неопрятностью; ветхіе рыдваны съ тощими влячами и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ до послѣдняго стакана“. Понятно, что воспитаніе дѣтей (Ольги, род. 1798 г., Александра, род. 1799 г., и Льва) при такихъ порядкахъ шло безъ всякаго толку, и они росли, предоставленныя гувернанткамъ, прислугѣ да самимъ себѣ, точно такъ-же, какъ росли ихъ родители. Александръ Пушкинъ болѣе всего былъ привязанъ къ своей нянькѣ Родіоновнѣ, доброй женщицѣ, которая своими сказками и пѣснями пробудила въ немъ любовь къ народной поэзіи, портила его своимъ баловствомъ и развивала въ немъ тѣ наклонности къ самому банальному суевѣрью, отъ которыхъ онъ не могъ освободиться во всю жизнь. Біографы поэта, увлекаясь его нѣжною привязанностью къ Родіоновнѣ, не замѣчаютъ вредныхъ сторонъ ея вліянія и, кажется, преувеличиваютъ добрыя стороны его. Она, конечно, пробудила и впоследствии поддерживала въ Пушкинѣ вкусъ къ народному, но собственныя ея мысли и чувства были не вполне народны. Она была не простая крѣпостная служанка, облагодѣтельствованная господами и принадлежавшая къ тому типу слугъ стараго времени, которые были лучшими продуцатами дворцоваго воспитанія. Рядомъ съ вліяніемъ Родіоновны шло вліяніе французскихъ писателей XVII и XVIII вв., которыми была наполнена фамильная бібліотека и которыхъ поэтъ поглощалъ въ своемъ дѣтствѣ безъ всякой системы, безъ всякаго руководителя: рядомъ съ Бабой Ягой Вольтеръ и Руссо, рядомъ съ Иваномъ Дурасомъ Гельвецій и Расинъ... Что-же могъ усвоить восьми или девятилѣтній ребенокъ изъ этихъ писателей? Прежде всего,

конечно, онъ могъ увлечься тѣмъ, что находилъ въ нихъ циничнаго и скабрезнаго и что другіе барчата его возраста усвоивали въ другой, первобытной формѣ отъ дворовыхъ мальчишекъ и взрослыхъ слугъ, бывшихъ не прочь позабавить на этотъ счетъ своихъ подростящихъ господъ. Біографъ поэта свидѣтельствуешь, впрочемъ, что не одно только это настроеніе пробудила въ мальчикѣ библіотека его отца. „Она оплодотворила зародыши раннихъ и пламенныхъ страстей, существовавшіе въ крови и въ природѣ молодого человѣка, раздвинула его понятія и представленія далеко за границу возраста, который онъ переживалъ, снабдила его тайными цѣлями и воззрѣніями, которыхъ никто въ немъ не предполагалъ, и, наконецъ, что всего важнѣе, мало по-малу воспитала великое самоуваженіе, недопускавшее власти надъ собой и не признающее ея законности ни въ какомъ видѣ, ни подъ какии предлогами“. Мы не рѣшаемся оспаривать этого мнѣнія, но думаемъ, что и безъ библіотеки Пушкинъ могъ дойти до того-же, до чего онъ дошелъ при ней и до чего могъ довести его одинъ горячій темпераментъ. Онъ, дѣйствительно, не терпѣлъ надъ собой никакой власти и былъ совершенною противоположностью того, чѣмъ-бы хотѣлось видѣть его родителямъ. Онъ далеко не былъ „благодѣтельнымъ мальчикомъ“. Родители рѣшились обуздать его строгостью, но послѣдняя встрѣтила въ немъ самый ожесточенный отпоръ; жизнь мальчика сдѣлалась „нестерпимой“, какъ видно изъ конспекта его записокъ, но, къ счастью, любезные родители, отчаявшись въ его исправленіи, махнули на него рукой. Все, что они привили своему сыну, заключалось въ аристократическомъ родовомъ чувствѣ, слабости къ такъ-называемому большому свѣту да наклонности къ безпечной барской жизни. Впрочемъ, на мальчикѣ отразился еще и „литературный отбѣнокъ“ его семьи. Мальчикъ рано началъ прислушиваться въ кабинетѣ отца и въ гостиной матери къ литературнымъ бесѣдамъ, къ чтенію стиховъ, къ публичнымъ jeux d'esprit, и это не осталось безъ вліянія на развитіе его литературныхъ наклонностей. Впрочемъ, ни родители, ни близкія къ семейству лица не только не видѣли въ немъ ничего необыкновеннаго, но даже считали его тупицей. Родители были рады сбыть его съ рукъ, самъ онъ тоже былъ радъ выйти изъ своего „нестерпимаго состоянія“, и когда въ 1811 году его

отправили изъ Москвы въ новый царскосельскій лицей, то ни родные не жалѣли о немъ, ни онъ не горевалъ ни о комъ, кромя своей сестры.

Царскосельскій лицей былъ основанъ для приготовленія аристократическаго юношества къ высшимъ сферамъ государственной службы. Онъ состоялъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ самого государя, а министръ народнаго просвѣщенія, Разумовскій, былъ по отношенію къ нему и министромъ, и инспекторомъ, и гувернеромъ, занимавшимся даже мелкими шалостями лицействовъ. Преподаваніе было поручено лучшимъ профессорамъ того времени—Галичу, Куницыну, Карцову и т. д., и его предполагалось вести такъ, чтобы „каждая истина, математическаго, историческаго или нравственнаго содержанія, предлагалась воспитанникамъ такъ, чтобы возбудить самодѣятельность ихъ ума и жажду дальнѣйшаго познанія, а все пышное, высокопарное, шезольное совершенно удаляемо было отъ ихъ понятія и слуха“. Слабженные всѣми внѣшними удобствами, воспитанники не подвергались никакимъ стѣсненіямъ, образованіе ихъ было вполнѣ энциклопедическое, въ программу его входило и немного философіи, и немного права, и математика, и литература, и политическая экономія, и т. д. О серьезномъ изученіи чего-нибудь, объ усидчивомъ трудѣ университетскаго студента не могло быть и рѣчи. Что-же касается профессоровъ, то они, съ одной стороны, слѣдую вышеприведенному § программы, а съ другой, полагая воспитанникамъ, вовсе непривышимъ къ регулярнымъ учебнымъ занятіямъ, тоже вели свое дѣло спустя рукава. Кошанскій, преподававшій древніе языки и словесность, въ первый годъ еще увлекалъ лицействовъ своими бесѣдами о литературныхъ образцахъ и поправлялъ ихъ письменныя упражненія, но со второго курса все это прекратилось, потому-что Кошанскій запыль и бросилъ преподаваніе. Поступившій на его мѣсто добродушный Галичъ почти ничего не дѣлалъ, замѣняя лекціи балагурствомъ да кутежомъ съ лицеистами, обращающимися съ нимъ какъ съ товарищемъ. Математикъ Карцовъ тоже, не видя со стороны воспитанниковъ никакой охоты къ ученю и будучи юмористомъ, проводилъ урочные часы въ рассказываньи и выслушиваньи анекдотовъ. Куницынъ былъ серьезнѣе; политическія науки въ его лекціяхъ, талантливомъ изложеніи нравились лицеистамъ, возбуждая въ нихъ гражданское чувство и

давая нѣкоторое понятіе о реформахъ, мысль о которыхъ носилась въ тогдашнемъ обществѣ, развивалась и въ Зимнемъ дворцѣ, и въ скромномъ кабинетѣ Сперанскаго. Пушкинъ всегда съ увлеченіемъ вспоминалъ объ этомъ преподавателѣ —

Куницыну дань сердца и вина!

Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень.

Положень имъ краеугольный камень.

Имъ чистая лампада возжжена.

Но и лекціи Куницына дѣйствовали больше на чувство и фантазію слушателей, чѣмъ на ихъ умъ, и этотъ предметъ, читаемый увлекательно, лицезреть только слушали, но не изучали, не добивались самостоятельно до выводовъ, не превращали мнѣній профессора въ свои прочныя убѣжденія. Къ тому-же, когда на второмъ курсѣ профессоръ перешелъ къ логикѣ и философіи права, онъ уже излѣнился, погрузился въ апатію и требовалъ одного буквального заучиванья своихъ тетрадокъ „отъ сихъ до сихъ“. По словамъ товарища Пушкина, гр. М. Корфа, „бесѣды учителя французской словесности, де-Будри, гораздо болѣе (чѣмъ лекціи Куницына) способствовали къ укрѣпленію мыслительныхъ силъ въ воспитанникахъ, которыхъ онъ постоянно старался пріучать къ отчетливому представленію и изложенію того, что они слышали, видѣли или что возникло въ ихъ головѣ“. Этотъ Будри, рассказываетъ Пушкинъ, — „былъ родной братъ Марата. Екатерина II перемѣнила ему фамилію по просьбѣ его, придавъ ему аристократическую частицу *de*, которую Будри тщательно сохранялъ. Онъ былъ родомъ изъ Будри. Онъ очень уважалъ память своего брата и однажды въ классѣ, говоря о Робеспьерѣ, сказалъ намъ: „s'est lui qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravallac“. Впрочемъ, „Будри, несмотря на свое родство, демократическія мысли, замасленный жилетъ и вообще наружность, напоминавшую яеобинца, былъ на своихъ коротенькихъ ножкахъ очень ловкій придворный“. Вообще-же поблажка наклонностямъ воспитанниковъ была не только со стороны профессоровъ, но и со стороны главнаго начальства. Такъ-какъ почти всѣ эти баричи принесли изъ домовъ особенное расположеніе къ французской литературѣ и не терпѣли нѣмецкой, то чтобы хоть сколько-нибудь пріохотить ихъ къ послѣдней, преподавателю ея, Гауеншильду, поручено было читать ее

по-французски. Послѣ смерти въ 1814 г. директора Малиновскаго лицей поочередно управлялся профессорами, которые вели дѣло каждый по-своему, ссорились между собой и т. д., и въ концѣ концовъ въ лицей, по выраженію Пушкина, водворилась „анархія“, обуздать которую неспособные воспитатели были рѣшительно не въ состояніи. Одинъ изъ этихъ воспитателей, гувернеръ Чириковъ, былъ автоматическій педантъ; другой гувернеръ, Иконниковъ, выпивалъ до того, что походилъ на сумасшедшаго. Инспекторъ Пилецкій-Урбановичъ, посланный впоследствии въ монастырь за принадлежность къ извѣстной сектѣ Татариновой, былъ мистикъ и сектаторъ, надоѣдалъ лицеистамъ своею религіозною навязчивостью, возмущалъ ихъ своимъ іезуитизмомъ и плебейскими выходками. Онъ вздумалъ, напр., давать слишкомъ ужъ фамиллярныя названія сестрамъ и родственницамъ, посѣщавшимъ воспитанниковъ. Аристократическое чувство послѣднихъ вознегодовало, распущенные лицеисты устроили скандалъ, рѣшительно немислимый въ благоустроенномъ заведеніи. Собравшись въ конференцъ-залъ, они пригласили Пилецкаго и объявили ему, что или они, или онъ должны удалиться изъ лицея. „Оставайтесь въ лицей, господа“, отвѣчалъ хладнокровно Пилецкій и въ тотъ-же день выѣхалъ изъ Царскаго Села. Для водворенія порядка директоромъ былъ назначенъ военный человѣкъ араччевской школы, Фроловъ, но тоже оказался неспособнымъ и безпорядокъ при немъ увеличился до того, что въ числѣ дядекъ очутился даже уголовный преступникъ, имѣвшій на душѣ четыре или пять убійствъ!.. Только съ 1816 г., съ назначеніемъ въ директоры Энгельгардта, дѣла поправились. Энгельгардтъ поощрялъ сообщенія лицеистовъ съ свѣтскими кружками города, возбуждалъ въ нихъ чувство чести и т. д. Мало этого, лицеисты въ своихъ красивыхъ мундирахъ присутствовали на всѣхъ гуляньяхъ и балахъ, вѣтили со стоявшими въ Царскомъ Селѣ гусарами, неудержимо волочились за горничными, няньками и крѣпостными артистками домашняго театра гр. Толстаго. „Кромѣ того, говоритъ г. Анненковъ, — въ средѣ лицеистовъ по временамъ обнаруживалась и долго жила настоящая любовь; многимъ изъ нихъ были уже совершенно извѣстны всѣ муки любви, обращенной къ далекому, недосыгаемому предмету, и всѣ обычныя спутницы такой любви, ревность, грусть, нѣмыя страданія и безпричинные восторги, — сло-

вомъ, они переживали еще въ стѣнахъ заведенія полную исторію молодыхъ, проснувшихся страстей“ (стр. 40). Одно только литературное самообразованіе да чувство товарищеской дружбы спасало лицейство отъ окончательной нравственной пустоты. Какъ во всѣхъ тогдашнихъ заведеніяхъ, такъ и въ лицей, увлеченіе поэзіей и искусствомъ было всеобщее и поощрялось начальствомъ, тѣмъ болѣе, что вромѣ Пушкина поэтическое дарованіе было у Дельвига, Илличевскаго и нѣкоторыхъ другихъ воспитанниковъ. Читаніе классическихъ авторовъ, литературныя бесѣды, сочиненіе любовныхъ стиховъ, поэмъ, эпиграмъ, застольныхъ пѣсней отнимало большую часть времени лицейства. Пруды и густыя аллеи Царскаго Села, какъ и вся другая обстановка лицейства, вполне гармонировали съ этою склонностью, а событія 1812 г. еще болѣе возбуждали и облагораживали ее. Всѣ лицеисты были воодушевлены въ это время самымъ пламеннымъ патріотизмомъ и привѣтствовали восторженными кликами войска, проходившія черезъ Царское Село. Известно, съ какою теплотою Пушкинъ вспоминалъ впоследствии это время. Понятно, какъ все это дѣйствовало, вмѣстѣ съ лекціями Куницына и другими подобными вліяніями, на впечатлительную молодежь. Но все это развивало въ ней только одни неопредѣленные, хотя и свѣтлыя стремленія, одинъ патріотическій платонизмъ, неподкрѣпленный убѣжденіемъ, непросвѣтленный яснымъ сознаніемъ, отрѣшенный отъ жизни, выразившійся на практикѣ большею частію поступленіемъ въ гусары. Гораздо прочтѣе было другое чувство—товарищества и любви къ лицу. Воспитанники были большею частію веселыми, добрыми юношами, нѣжно привязанными другъ къ другу, дѣлившими между собою радость и горе, любившими лицей и сохранявшими до могилы увлеченіе этими бурными днями своей счастливой юности, когда, по выраженію поэта, —

нашъ праздникъ молодой

Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,

И съ пѣснями божаловъ звонъ мѣшался

И тѣсно сидѣли мы толпой!

Это воспоминаніе о молодомъ весельѣ преобладало впоследствии въ лицейстахъ надъ всѣми другими чувствами, и для нихъ, по выраженію Пушкина, былъ „цѣлый міръ чужбиной, отечество

намъ — Царское Село“. Кромѣ этой привязанности другъ къ другу, лицеисты, говоритъ г. Анненковъ, — „выносили отвлеченное понятіе о свободѣ, щекотливое самолюбіе и весьма живой, чувствительный point d'honneur: это были единственные орудія, которыми они были снабжены для образованія изъ себя нравственныхъ единиць, дѣльныхъ тружениковъ и мужественныхъ характеровъ“ (с. 55).

Пушкинъ развивался подъ тѣми-же вліяніями, какъ другіе лицеисты, и выдѣлялся изъ ихъ среды только своими поэтическими способностями да пылкостью характера. Какъ и дома, онъ много читалъ изъ лицейской библіотеки. „Всѣ мы видѣли, рассказываетъ Пущинъ, — что Пушкинъ насъ опередилъ, многое прочелъ, о чемъ мы и не слыхали; все, что читалъ, помнилъ... Все научное онъ считалъ ни во что и какъ-будто только желалъ доказать, что мастеръ бѣгать, прыгать черезъ стулья, бросать мячи и проч. Въ этомъ даже участвовало его самолюбіе, бывали столкновенія очень неловкія. Случалось удивляться переходамъ въ немъ: видишь, бывало, его поглощеннымъ не по лѣтамъ въ думы и чтеніе — и тутъ-же онъ внезапно оставляетъ занятія, входитъ въ какой-то припадокъ бѣшенства за то, что другой, ни на что лучшее неспособный, перебѣжалъ его или однимъ ударомъ уронилъ всѣ еглы“. Наклонность къ насмѣшкѣ, рѣзкая заносчивость, навязчивые вызовы на вражду и оскорбленія доводили часто Пушкина до самыхъ непріятныхъ столкновеній съ товарищами. Многіе изъ нихъ не любили его, хотя съ нѣкоторыми, напр., съ Пущинымъ и Дельвигомъ, онъ былъ связанъ самою нѣжною дружбою. „Нѣжныя и юношескія чувства, говоритъ директоръ Энгельгардтъ, — унижены въ немъ воображеніемъ, осеврененнымъ всѣми эротическими произведеніями французской литературы, которыя онъ при поступленіи въ лицей зналъ почти наизусть, какъ достойное приобрѣтеніе первоначальнаго воспитанія“. Товарищъ его, гр. К., помнитъ его „вспыльчивымъ до бѣшенства, съ необузданными, африканскими страстями, вѣчно разсѣяннымъ, вѣчно погруженнымъ въ поэтическія свои мечтанія, избалованнымъ отъ дѣтства похвалою и льстецами, которые есть въ каждомъ кругу... Въ немъ не было ни внѣшней, ни внутренней религіи, ни высшихъ нравственныхъ чувствъ; онъ полагалъ даже какое-то хвастовство въ высшемъ цинизмѣ по этимъ предметамъ,

и я не сомнѣваюсь, что для ѣдкаго слова онъ иногда *говорилъ* даже болѣе и хуже, чѣмъ *думалъ*. Эта черта навсегда осталась въ характерѣ Пушкина. Что же касается его учебныхъ занятій, то онъ, какъ мы уже видѣли изъ замѣчанія Пущина, пренебрегалъ ими, и умный Куницынъ атестовалъ его такъ: „весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ, но крайне неприлеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ мало напряженія, а потому успѣхи его очень не велики, особенно по части логики“. Но за то еще въ лицѣ Пушкинъ превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей поэтическимъ дарованіемъ, которое признавали въ немъ знакомые его дома — Карамзинъ, Жуковский и А. Тургеневъ. Родные также начали мириться съ нимъ, въ виду будущей поэтической славы сына, часть которой должна была отразиться и на нихъ. „Лицейскія стихотворенія“ Пушкина, къ которымъ нужно отнести и множество однородныхъ съ ними пьесъ, написанныхъ имъ въ первое время по выходѣ изъ лица, состоятъ изъ подражаній Державину, Карамзину, Жуковскому, Парни, Батюшкову и т. д. Главное содержаніе этихъ стихотвореній — вино и любовь, пьянство и волокитство, воспѣваемые въ подрашенномъ видѣ, съ помощью классическихъ терминовъ, въ родѣ „Эрота“, „игръ Вакха и Киприды“ и т. д.

Пусть остылой жизни чашу
Танеть медленно другой,
Мы-жь утратимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой,

говорить Пушкинъ въ одномъ изъ этихъ стихотвореній, вполне выражая господствовавшее въ средѣ его товарищей настроеніе безшабашнаго кутежа, въ которомъ состоитъ вся цѣль жизни. Кромѣ Вакха и Венеры, въ этихъ стихотвореніяхъ является еще третье божество, Марсъ, служить которому желалъ Пушкинъ, мечтая о томъ времени, когда ему удастся натянуть „узкіе рейтузы, завить въ колечки гордый усъ“, или —

„При громѣ въ пушечномъ огнѣ
Скабать на бѣшеномъ конѣ“.

„Войны кровавыя забавы“ и „языкъ мечей“ въ то время сильно увлекали Пушкина, и это воинственное расположеніе къ „кровавымъ забавамъ“ сохранилось у него и впослѣдствіи. Наконецъ, въ этотъ подражательный, переходный періодъ пушкин-

ской дѣятельности у него изрѣдка появляются мотивы, въ родѣ того, каѣмъ проникнуто извѣстное посланіе къ Чаадаеву. Но не имѣя рѣшительно никакихъ твердыхъ убѣжденій, подчиняясь однимъ только движеніямъ непосредственнаго чувства, Пушкинъ увлекался этими мотивами только временно: другія впечатлѣнія возбуждали въ немъ другія чувства и онъ совершенно искренно бралъ другой мотивъ. Эти переходы совершались иногда такъ быстро, что выражались вполнѣ въ одномъ и томъ-же стихотвореніи. Пушкину, напр., предложили написать стихи въ честь одной особы. Онъ отвѣчалъ —

„На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И силѣ въ гордости свободной
Кадилюмъ лести не кадилъ“...

Но чувство его увлеклось даннымъ для воспѣванья предметомъ и онъ кончилъ стихотвореніе тѣмъ, что и „похвалилъ“, и „покадилъ“. Отъ этого раздвоенія, отъ этого умственного шатанія изъ стороны въ сторону ему не удалось избавиться во всю свою жизнь. То общество, въ которое вступилъ онъ послѣ лица, та жизнь, которой отдался онъ со своей обычной страстностью, не могли исправить недостатковъ его воспитанія, которое онъ самъ называлъ „проблѣтымъ“.

Пушкинъ вышелъ изъ лица лѣтомъ 1817 г. Онъ стремился въ гусары, но это оказалось не по отцовскому карману; отецъ предлагалъ ему поступить въ пѣхотную гвардію, но Пушкину „непремѣнно“ хотѣлось „скакать на бѣшенномъ конѣ“, и такимъ образомъ дѣло разстроилось. Пушкинъ записался на службу въ колегію иностранныхъ дѣлъ, конечно, не за тѣмъ, чтобы служить, а такъ, по принятому обычаю, и вступилъ въ петербургскій свѣтъ, очутившись снова подъ такими-же разнообразными вліяніями, какія дѣйствовали на него и дома, и въ школѣ.

Тотчасъ по выходѣ изъ лица Пушкинъ пристроился къ кружку молодыхъ, военныхъ и статскихъ аристократовъ, жизнь которыхъ была специально посвящена самому необузданному кутежу и дикому разгулу, принимавшему всевозможныя формы, начиная съ трактирныхъ скандаловъ и кончая обществомъ *Зеленой лампы*, имѣвшимъ свои собранія у Н. В—скаго. „Розысканія и разпросы объ этомъ кружкѣ обнаружили, что онъ составлялъ

со своимъ прославленнымъ калмыкомъ, не болѣе, какъ обыкновенное *оріаическое* общество, которое въ числѣ различныхъ домашнихъ представленій, какъ изгнаніе Адама и Евы, погибель Содома и Гоморры и прочихъ имъ устраиваемыхъ представленій, занималось еще и представленіемъ изъ себя, ради шутки, собранія съ парламентскими и масонскими формами, но посвященнаго исключительно обсужденію плановъ волокитства и завулисныхъ проказъ. Когда въ 1825 г. произошла повѣрка направленій различныхъ дозволенныхъ и недозволенныхъ обществъ, *невинный* характеръ „Зеленой лампы“ обнаружился тотчасъ-же и послужилъ ей оправданіемъ. Дѣла, рѣшавшіяся „Зеленой лампой“, были преимущественно дѣла по театальной школѣ (т. е. по части волокитства за театральными воспитанницами), куда нѣкоторые изъ ея членовъ старались даже пробраться подъ видомъ говѣнья. Школа имѣла свою церковь“ (Анн., 63). Что за жизнь велъ Пушкинъ въ кружкѣ упомянутыхъ своихъ друзей, можно видѣть изъ собственнаго рисунка Пушкина, описаннаго г. Анненковымъ. „Рисунокъ изображаетъ мужчину за столомъ, обремененномъ бутылками; вблизи кабая-то женщина, имѣющая подобіе фурии или вакханки въ послѣдней степени виннаго экстаза, сбиваетъ балетнымъ движеніемъ ноги одну изъ бутылокъ со стола на полъ; другой мужчина, отягченный винными парами, прислонясь къ стѣнѣ, закуриваетъ трубку; всей группѣ прислуживаетъ *смерть* въ образѣ стараго слуги“ (стр. 65). Дѣйствительно, это былъ *Кутежъ на смерть*, и въ продолженіи трехъ лѣтъ Пушкинъ два раза былъ въ горячкѣ и лежалъ на краю гроба. Кроме того, въ этой жизни дуэль была чуть не обыденнымъ явленіемъ и поводы къ ней представлялись на каждомъ шагу. Кто смѣло выводилъ другихъ изъ себя, говорилъ имъ дерзости или-же самъ, привязываясь къ каждому пустяку, вызывалъ другихъ на поединокъ, тотъ считался героемъ. Пушкинъ гордился славой лихого гуляки и рисовался своею распущенностью, даже преувеличивая ее. Онъ пилъ часто и не мало, но любилъ хвастать, что выпивалъ гораздо больше, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, представлялся совершенно пьянымъ и шатался въ то время, какъ былъ только въ полъпьяна, былъ на словахъ и въ стихотвореніяхъ гораздо циничнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности, и т. д. Кутежи съ богатыми баричами и карточная игра, которой онъ предавался со

страстью записного игрока, были ему далеко не по карману, онъ входилъ въ долги, навлекая на себя разныя неприятности, ссорился со своимъ полуразореннымъ и скупымъ отцомъ. „Когда больной, писалъ онъ впоследствии брату, — я бралъ извозчика отъ Аничкина моста, отецъ вѣчно бранился за 80 копейекъ, которыхъ, вѣрно-бъ, ни ты, ни я не пожалѣли для слуги“. Эти ссоры мотоватаго сына и скупого батюшки бывали иногда довольно комичны. Однажды Пушкинъ долго упрашивалъ отца купить ему бывшіе тогда въ модѣ бальные башмаки съ пряжками, а Сергѣй Львовичъ предлагалъ ему свои поношенные, павловскихъ временъ, и т. д. Барское мотовство Пушкина, бывшее естественнымъ плодомъ тогдашней среды, доходило до крайности. Однажды, напр., онъ катался на лодкѣ въ обществѣ, въ которомъ находился и его отецъ. Погода стояла тихая и вода была такъ прозрачна, что виднѣлось самое дно. Пушкинъ вынулъ нѣсколько золотыхъ монетъ и одну за другой сталъ бросать въ воду, любуясь паденіемъ и отраженіемъ ихъ въ чистой влагѣ. Трудно, конечно, было напасть денегъ на такого шалуна даже не скупому и богатому отцу. Но, проматывая деньги, Пушкинъ проматывалъ и свой талантъ въ этой безшабашной жизни, по-прежнему посвящая его исключительно „играмъ Вакха и Киприды“. „Не худо-бы его запереть въ Геттингенъ и кормить молочнымъ супомъ и логикой, писалъ Батюшкѣ А. Тургеневу. — Изъ него ничего не будетъ путнаго, если самъ не захочетъ. Потомство не отличить его отъ двухъ его однофамильцевъ, если онъ забудетъ, что для поэта и человѣка должно быть потомство. Кн. А. Голицынъ московскій промоталъ 20,000 крестьянъ въ шесть мѣсяцевъ. Какъ ни великъ талантъ *Сверчка* (арзамасское прозвище Пушкина), онъ его промотаетъ, если... но да спасутъ его музы и молитвы наши“.

Если-бы исполнилось желаніе Батюшкова и Пушкина заперли-бы куда-нибудь въ Геттингенъ, то онъ, конечно, „молочный супъ и логику“ не предпочелъ-бы пуншу и буршескому разгулу. Въ это время уже трудно было исправлять недостатки первоначальнаго воспитанія, и Пушкинъ неудержимо бросался туда, куда влекли его инстинкты. Отъ родителей онъ получилъ въ наслѣдство гордость шестисотлѣтнимъ дворянствомъ и слабость къ большому свѣту, съ молодыми представителями котораго онъ былъ

уже на дружеской ногѣ. Перываясь въ свѣтъ, Пушкинъ разсчитывалъ, что онъ долженъ быть не только равенъ магнатамъ, но, какъ шестисотлѣтній дворянинъ, даже выше многихъ изъ нихъ, вышедшихъ въ люди только при Петрѣ. При этомъ онъ еще сознавалъ и свое умственное превосходство. Но свѣтъ отнесся къ нему съ такою-же снисходительностью, какъ къ его навязчивымъ отцу и дядѣ; въ свѣтѣ взглянули на него, какъ на *сочинителя*; это раздражало Пушкина, а его раздраженіе вело за собой то, что свѣтскіе люди начали смотрѣть на него еще болѣе свысока. Но, при всемъ томъ, Пушкинъ не переставалъ лнзуть къ большимъ господамъ. „Пушкинъ, рассказываетъ одинъ изъ его лицейскихъ друзей, — либеральный по своимъ воззрѣніямъ, часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ, напр., вертѣться у оркестра около знати, которая съ покровительственной улыбкою выслушивала его шутки и остроты. Случалось изъ кресель сдѣлать ему знакъ — онъ тотчасъ прибѣжить. Говорилъ бывало: „что тебѣ за охота возиться съ этимъ народомъ, ни въ одномъ изъ нихъ ты не найдешь сочувствія“. Онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ щекотать, обнимать, что обыкновенно дѣлалъ, когда немножко потеряется; потомъ, смотришь, Пушкинъ опять съ тогдашними львами“. Изъ этихъ сношеній онъ не выносилъ ничего, кромѣ горечи и оскорбленнаго чувства, и постоянно жалуюсь, что „сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ неотразимыя обиды“, все-таки продолжалъ приставать къ нему.

Пушкинъ засталъ русскую литературу въ самомъ плачевномъ состояніи; литературы, собственно говоря, еще не было, а были только „упражненія“ разныхъ „любителей словесности“, очень многочисленныхъ, но, большею частію, бездарныхъ. Были тогда и журналы, но о нихъ можно судить по слѣдующимъ, напр., оглавленіямъ:

„*Благонамеренный*“, 1818 г., № 1.

СТИХОТВОРЕНІЯ:

- 1) Властолюбіе. *Аркадій Родзянко*. 2) Идилія (снеговная любовь). *В. Панаевъ*. 3) Осень. *Рыскій*. 4) Прудъ и каша. *Басня. Ѳ. Глинка*. 5) Кашей и лекарь. *Сказка. И.* 6) Отвѣтъ и совѣтъ. *О. Н.* 7) Отвѣтъ на вызовъ написать стихи, *Г—а*.

ПРОЗА:

- 1) Не родись ни хорошъ, ни пригошъ, а родись счастливъ. Истинное происшествіе. *В—ръ П—въ.* 2) Дорога отъ Устилуга до Варшавы. *А. Раевскій.* 3) Нѣсколько словъ о кокетствѣ. *В. П.* 4) Избранныя мысли изъ Рошефюко, Флоріана, Демутье. *П—на Р—ая.* 5) Отрывки изъ Вакефильдскаго священника. 6) Разборъ Хемницеровой басни: „Воля и Неволья“. *И.*

СМѢСЬ:

Русскіе анекдоты.

„Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія“, 1818 г.,

№ 1-й.

ПРОЗА:

- 1) Духъ російскихъ государей Рюрикова дома. 2) Странствованіе Гумбольдта по степямъ и пустынямъ Новаго Свѣта (всего 7 страницъ). 3) Различіе между дружбою и любовью. *А. Боровкова.* 4) Ратмиръ и Всемила (древнее преданіе).

СТИХОТВОРЕНІЯ:

- 1) Москва. „Сойди, поэзія священна!“ *Графа Серг. Салтыкова.* 2) Отрыв. изъ Делилевой поэмы *L'Imagination.* *А. Крылова.* 3) Странствованіе Амура. *Ө. Глинки.* 4) Выборы Флоры. *В. Бриммера.* 5) Мальчикъ и Голубокъ. Басня. *Дурона.* 6) Мартышка и Слонь. Басня. *Графа Д. Хвостова.* 7) Эпиграмы. *Р—ръ.* 8) Романсъ въ другу. Съ нѣмец. *Н.*

СМѢСЬ:

Жизнь В. П. Петрова. (Соперникъ Флакка и Марона). Объявленіе о книгѣ ноты на романсъ: „Тщетно плачешь, другъ любезный“.

Другіе журналы были такъ-же пусты и безсодержательны, какъ и тѣ литературныя общества, которыми издавались нѣкоторые изъ нихъ. Литераторовъ по профессіи въ то время еще не было, хотя страсть къ писанію, въ особенности къ стихотворству, доходила до повальной маніи. Сочинители составляли изъ себя общества, на которыхъ читались ихъ упражненія, составленныя въ свободное отъ служебныхъ занятій время, выслушивались замѣчанія, говорились комплименты, а иногда доходило и до круп-

наго разговора, какъ, напр., между Шаликовымъ и Дмитріевымъ, которые чуть не подрались изъ-за гр. Хвостова въ торжественномъ засѣданіи „Общества любителей россійской словесности“, которое продолжаетъ свои упражненія даже до сегодня. Кромѣ его, были еще „Петербургское общество любителей наукъ и искусствъ“ и „Вольное общество любителей словесности“. Всѣ они занимались пріятнымъ и невиннымъ препровожденіемъ времени, толченіемъ воды въ ступѣ, и даже въ то время не имѣли рѣшительно никакого значенія. „Бесѣда“ Шишьева и Державина, основанная для охраненія стараго слога отъ послѣдователей Карамзина, была явленіемъ вполне реакціоннымъ. Оставался только одинъ „Арзамасъ“, состоявшій изъ послѣдователей Карамзина. „Арзамасъ, говоритъ г. Анненковъ, — представлялъ собственно партію молодыхъ людей, которые, опираясь на примѣръ Карамзина, отстаивали право каждаго человѣка открывать для себя новыя дороги въ жизни и литературѣ. Арзамасъ ставилъ ни во что напыщенность и торжественность выраженія, которыми многіе тогда удовлетворялись, и ненавидѣлъ пустую, трескучую фразу во всякомъ ея видѣ, либеральномъ или консервативномъ. Болѣе всего сопротивлялся онъ намѣренію водворить обязательныя правила для умственной и общественной дѣятельности своего времени. Вотъ почему Арзамасъ неукоснительно принималъ подъ свое покровительство все, что появлялось съ ясными задатками развитія, съ несомнѣнными признаками способности завоевать себѣ будущность. Онъ очень любилъ противопоставлять новыя имена и таланты старымъ извѣстностямъ, да не отступалъ и предъ разоблаченіемъ упроченныхъ, но все-таки фальшивыхъ репутацій, обнаруживая при этомъ, сколько кумовства, дружескихъ подкуповъ и самовосхваленія издержано было для составленія ихъ. Въ лицѣ Жуковского, Арзамасъ привѣтствовалъ и романтизмъ въ нашей литературѣ, а когда воздвигнуто было гоненіе на самую идею романтизма, Арзамасъ, уже явно не существовавшій, выслалъ, однакожь, горячаго защитника новому виду творчества, вн. Вяземскаго, и поддерживалъ его своимъ согласіемъ. Вотъ въ чемъ заключались всѣ теоріи Арзамаса“ (стр. 113).

Пушкинъ еще на лицейской скамьѣ былъ членомъ этого веселаго общества, но когда онъ вышелъ изъ лицея, Арзамаса уже не было, хотя духъ его продолжалъ жить и дѣйствовать въ лицѣ Вяземскаго,

Жуковскаго и т. д. Г. Анненковъ въ приведенныхъ словахъ вполне вѣрно опредѣляетъ идею этого общества, но дѣло въ томъ, что арзамасцы не всегда были вѣрны этой идеѣ, часто даже все упускали ее изъ виду, увлекаясь преимущественно тѣми шутовскими формами, въ какихъ она выражалась у нихъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Арзамасъ можно поставить на ряду съ упомянутой „Зеленой лампой“; въ послѣдней нелитературные господа забавлялись Вакхомъ и Венерой, въ первомъ—Вакхомъ и поэтическимъ остроуміемъ. Арзамасцамъ не было дѣла до дѣйствительной жизни, ихъ идеалы были неопредѣленны, ихъ понятія объ искусствѣ отзывались сильнымъ аристократизмомъ, равно какъ и ихъ отношенія къ такой литературной „черни“, какъ, напр., Полевой и впоследствии Бѣлинскій. Свободно относясь къ авторитетамъ литературныхъ консерваторовъ, арзамасцы замѣняли ихъ своими, вводили идолопоклонство Карамзину, ставили новыя, опредѣленныя и неподвижныя формы для мысли.

Пушкинъ, впоследствии вполне подчинившійся вліянію Арзамаса, въ это время состоялъ еще подъ третьимъ вліяніемъ,—реформаціонныхъ идей, бродившихъ въ тогдашнемъ обществѣ и либеральной молодежи. Извѣстно, какъ, подчиняясь этому настроенію, онъ сыпалъ эпиграмами, писалъ такія превосходныя пьесы, какъ „Уединеніе“, поражалъ арзамасцевъ своими выходками. Исторію Карамзина онъ встрѣтилъ эпиграмами и нерѣдко спорилъ съ историкомъ. „Однажды, рассказываетъ Пушкинъ,—началъ онъ (Карамзинъ) при мнѣ излагать свои любимыя парадоксы. Оспаривая его, я сказалъ: „итакъ, вы рабство предпочитаете свободѣ!“ Карамзинъ вспыхнулъ и назвалъ меня своимъ клеветникомъ. Я замолчалъ, уважая самый гнѣвъ прекрасной души“ (стр. 119). Извѣстная высылка поэта на югъ только усилила въ немъ это настроеніе. Передъ нею въ Петербургѣ распространилась сплетня, что Пушкина высѣбли. „Слухъ былъ давно общимъ, когда дошелъ до меня, писалъ онъ впоследствии.—Я почелъ себя опозореннымъ передъ свѣтомъ, я потерялся, дрался. Я размышлялъ, не приступить-ли мнѣ къ самоубійству или... Но въ первомъ случаѣ я самъ-бы способствовалъ къ подкрѣпленію слуха, который меня безчестилъ, а во второмъ—я не смывалъ никакой обиды, потому что обиды не было: я только совершалъ преступленіе и приносилъ жертву общественному мнѣнію, которое презиралъ“

(стр. 143). Поѣздка развлекала и успокоила Пушкина, а величественная природа Кавказа и Крыма подѣйствовала вполне благотворительно на развитіе его таланта. Правда, и въ Бишиневѣ, и въ Одессѣ онъ велъ прежнюю жизнь, кутилъ, волочился, картежничалъ, дрался на дуэляхъ и т. д., но въ то-же время въ обществѣ Раевскихъ, Давыдовыхъ и др. онъ проникался серьезными мыслями, читалъ, собиралъ этнографическія свѣденія, „прибѣгалъ даже къ хитрости для пополненія недостающихъ ему знаній; онъ искусственно возбуждалъ споры о предметахъ его интересовавшихся и затѣмъ пользовался указаніями спора для приобрѣтенія нужныхъ ему сочиненій“ (стр. 155). Освобожденіе крестьянъ въ это время сильно занимало его и онъ замыслилъ потрясающую драму изъ крѣпостного быта (стр. 161—3). Но все это серьезное настроеніе, далеко еще неопредѣлившееся, сильно терпѣло отъ того байронизма, каѣмъ больше и больше увлекался Пушкинъ. „Русскій байронизмъ, говоритъ г. Анненковъ, — отличался своеобразными чертами. Онъ, напр., никогда не отдавалъ себѣ отчета о причинахъ ненависти къ современному нравственному положенію Европы, которой отличалось это ученіе заграницей. Нашему байронизму не было никакого дѣла до того глубокаго сочувствія къ народамъ и ко всякому моральному и матеріальному страданію, которое одушевляло западный байронизмъ. Наоборотъ, вмѣсто этой основы, русскій байронизмъ строился на странномъ, ничѣмъ неизяснимомъ, ничѣмъ не оправдываемомъ презрѣніи къ человѣчеству вообще. Изъ источниковъ байронической поэзіи и байроническаго созерцанія добыто было нашими передовыми людьми только оправданіе безграничнаго произвола для всякой слѣпо-бунтующей личности и какое-то право на всякаго рода *демоническія* безчинства. Все это еще переплеталось у насъ съ подражаніемъ аристократическимъ пріемамъ благороднаго лорда, основавшаго направленіе и всегда помниваго о своемъ происхожденіи отъ шотландскихъ королей, какъ извѣстно. Мы приводимъ здѣсь поразительный примѣръ такого пониманія байронизма. Въ бумагахъ Пушкина осталась записка по-французски, неизвестно вѣкъ писанная, но, вѣроятно, вызванная предшествовавшимъ разговоромъ ея автора съ поэтомъ. Дикое сочетаніе аристократической кичливости съ грубостью мысли и чувства въ ней поразительны. „Вы, мой достойный наставникъ, говоритъ записка, —

смѣлы, язвительны, злы, но этого еще мало: надо быть тираномъ, свирѣпымъ, мстительнымъ. Прошу васъ научить меня этому. Люди не стоятъ того, чтобы ихъ цѣнили по искрамъ чувства, какъ я было вздумалъ ихъ оцѣнивать. Ихъ надо вѣсить *берковцами*. Подчинить ихъ себѣ можно только тогда, когда самъ сдѣлаешься такимъ-же эгоистомъ и такимъ-же злымъ, какъ они“ (стр. 171). У Пушкина этотъ напускной демонизмъ доходилъ иногда до такой-же крайности, какъ и въ приведенномъ письмѣ. Вотъ, между прочимъ, какія наставленія онъ давалъ своему брату: „Тебѣ предстоятъ столкновенія съ людьми, которыхъ ты еще не знаешь. Прежде всего постарайся думать объ этихъ людяхъ какъ можно хуже: тебѣ не часто придется поправлять свое сужденіе... Презирай ихъ какъ можно вѣжливѣе... Не будь угодливъ и подавляй въ себѣ чувство доброжелательства, въ которому можешь быть склоненъ. Люди не понимаютъ его и расположены видѣть въ немъ низость, такъ-какъ всегда рады судить другихъ по самимъ себѣ... Никогда не принимай благодареній: по большей части, благодареніе есть не иное что, какъ предательство“, и т. д. (стр. 182). Въ известной статьѣ о Байронѣ Пушкинъ, говоря о врожденной религіозности Байрона, проводитъ мысль, что многое въ англійскомъ поэтѣ должно приписать его страсти или слабости—казаться худшимъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Въ этомъ случаѣ онъ судилъ о другомъ по самому себѣ. Возмущаясь известной идеей, характеромъ, обычаемъ и т. д., Пушкинъ доводилъ свою реакцію имъ до крайности и казался дѣйствительно не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Онъ, напр., любилъ и уважалъ своего начальника, генерала Инзова, но нѣкоторыя черты его характера казались ему смѣшными и онъ начиналъ дразнить его своими вольностями. То онъ учить инзовскую сороку говорить неприличныя слова, то, обѣдая у Инзова, нарочно заводитъ вольнодумный разговоръ и, зная строго-религіозныя убѣжденія хозяина, старается развивать наиболѣе противоположныя имъ теоріи (стр. 170). Тогдашній мистицизмъ петербургскихъ сектъ, вѣсти о Магницкомъ и т. д., все это настроивало Пушкина въ упомянутомъ духѣ, и въ его бумагахъ сохранились отрывки какой-то сатанинской сатирической поэмки. „Она была имъ брошена послѣ нѣсколькихъ приемовъ и уступила мѣсто другой, не менѣе сатанинской, но болѣе чувственной и страстной поэмѣ. Эту поэму

онъ кончилъ, сообщивъ ей изумительную отдѣлку. Поэма нажила ему много хлопотъ впослѣдствіи, а что всего важнѣе, составила для него предметъ неумолкаемыхъ угрызений совѣсти и вѣчнаго раскаянія до конца жизни. Въ нее, въ эту поэму, и разрѣшилась, наконецъ, вся фантастическая „чертовщина“, нами описанная“ (стр. 179). Въ то-же время, подъ вліяніемъ уже упомянутыхъ своихъ друзей, а также подъ впечатлѣніемъ греческой войны за независимость и европейскихъ событій 20-хъ годовъ. Пушкинъ настраивался еще болѣе рѣзко въ области общественныхъ вопросовъ.

Въ 1823 г. Пушкинъ переѣхалъ въ Одессу. Въ патриархальномъ Кишиневѣ, подъ надзоромъ добраго старика Инзова, ему многое сходило съ рукъ; въ Одессѣ-же все стѣсняло и возбуждало его. Дѣло кончилось слѣдующимъ предетавленіемъ гр. Воронцова: „Здѣсь есть много людей, а съ эпохою морскихъ купаленъ число ихъ еще увеличится, которые, будучи восторженными поклонниками его поэзіи, стараются показать дружеское участіе непохвѣрнымъ восхваленіемъ его и обазываютъ ему черезъ то вражескую услугу, ибо способствуютъ къ затмѣнію его головы и признанію себя отличнымъ писателемъ, между тѣмъ, какъ онъ, въ сущности, только слабый раздражитель не совѣтъ похвальнаго образца—лорда Байрона“ (стр. 259). Воронцовъ просилъ убрать Пушкина изъ Одессы. Въ то-же время сдѣбалось извѣстно полупуточное письмо поэта о „глухомъ Алфѣѣ“, д-рѣ Гунчисонѣ, который жилъ въ Одессѣ и былъ знакомъ съ нимъ. Результатъ извѣстенъ: переводъ Пушкина въ с. Михайловское. „Я, говоритъ онъ,—уѣхалъ изъ Одессы,—

Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ
И, слава-богу, отъ вельможъ,
Въ далекій сѣверный уѣздъ, —
И былъ печалень мой пріѣздъ!

„Посуди о моемъ положеніи, писалъ онъ Жуковскому: — пріѣхавъ сюда, я былъ встрѣченъ и обласканъ... но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкою, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та-же участь. Вспыльчивость мѣшала мнѣ съ нимъ откровенно объясниться: я рѣшился молчать. Онъ сталъ укорять брата, что я преподаю ему и сестрѣ безбожіе! Назначенный за мною смотрѣть, Пешуровъ,

осмѣлился предложить отцу моему распечатывать мою переписку... Желая, наконецъ, вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова... Отецъ разсердился, закричалъ — я сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призвалъ моего брата и велѣлъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé *). Голова моя закипѣла, когда я узналъ это. Иду къ отцу, нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что было у меня на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что *говорю ему въ послѣдній разъ*. Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, ~~выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ; потомъ, что хотѣлъ бить..~~ Передъ тобою я не оправдываюсь, но чего-же онъ хочетъ отъ меня съ уголовнымъ обвиненіемъ? Рудниковъ сибирскихъ и вѣчнаго своего безчестія... Спаси меня!.. Я сосланъ за одну строчку глупаго письма. Если присоединится къ этому обвиненію, что я поднялъ руку на отца, — посуди, какъ тамъ обрадуются. Шутка эта пахнетъ каторгой“ (стр. 273). Благодаря Жуковскому, дѣло уладилось, семейство Пушкина уѣхало въ Петербургъ и онъ одинъ остался въ деревнѣ.

Извѣстно, какое важное значеніе въ его литературной дѣятельности имѣло время, проведенное имъ въ с. Михайловскомъ. Здѣсь Пушкинъ окончательно освободился отъ напускнаго байронизма и, подъ вліяніемъ Шекспира, перешелъ къ реальному творчеству, а его умъ началъ относиться къ жизни объективнѣе и спокойнѣе, чѣмъ прежде. Но это спокойствіе было далеко не полнымъ. Еще въ Одессѣ, въ своемъ стихотвореніи къ океану Пушкинъ говорилъ, что одна только любовь помѣшала ему уѣхать изъ Россіи—

„Ты ждалъ, ты звалъ, я былъ окованъ,
Вотще рвалась душа моя,
Могущей страстью очарованъ,
На берегу остался я;
Не удалось мнѣ оставить
Мой скучный, неподвижный брегъ
И по волнамъ твоимъ направить
Свой поэтический побѣгъ!..

*) Съ этимъ чудовищемъ, съ этимъ сыномъ погубела.

Въ то-же время онъ писалъ брату: „осталось одно — взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть Константинополь. Святая Русь становится мнѣ невтерпѣжъ“. Въ Михайловскомъ эти мечты не остыли. По поводу разнесшагося въ литературныхъ кружкахъ слуха о бѣгствѣ Пушкина онъ писалъ: „стыдно, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, разнесшуюся недавно обо мнѣ. Глупо часъ отъ часу вязнуть въ жизненной грязи“. Но всѣ его планы и приготовления разлетѣлись (стр. 284—290). Въ 1826 г. онъ былъ возвращенъ въ Москву; для него началась новая жизнь, но раздвоенность, о которой мы говорили выше, не прекращалась. Г. Анненковъ характеризуетъ этотъ второй періодъ его жизни слѣдующимъ образомъ. „Въ короткій промежутокъ 5—6 лѣтъ, развиваясь необычайно быстро, онъ переходилъ постепенно отъ безсознательной роли великосвѣтскаго радикала, которую игралъ въ Петербургѣ, къ отчаянному протесту личности, ничего не признающей, кромѣ самой себя, къ неистовому байронизму, которымъ зараженъ былъ въ Кипшицевѣ, и отъ него, черезъ умѣряющее дѣйствіе романтизма и черезъ изученіе Шекспира, къ объективности, историческому и критическому созерцанію, а наконецъ, и къ задачамъ, которыя представляють для творчества и для анализирующей мысли русской старинъ и новой бытъ. Когда Пушкинъ очутился снова въ столичномъ обществѣ, онъ принесъ съ собою только зачатки послѣдняго изъ этихъ направленій, но потребовалось еще четыре безпокойныхъ года (1826—1829) для того, чтобы превратить эти зачатки въ обдуманную теорію. Цѣлыхъ четыре года тревожной, непосѣдной, скажемъ просто—кочующей жизни употребилъ Пушкинъ на то, чтобы приглядѣться и приладиться къ новымъ условіямъ времени, которыя были такъ мало похожи на времена его молодости. Работа эта доставалась ему недаромъ: гнетущая тоска и скука, постоянно отравлявшія существованіе поэта въ это время, свидѣтельствуютъ о томъ достаточно. Онъ-то гнали его съ мѣста на мѣсто по имперіи, сдѣлали изъ него азартнаго игрока, подсызали ему мысль о причисленіи его къ китайской миссіи и отразились въ уничтоженной главѣ любимой его поэмы „Путешествіе Онегина“. Съ обрѣтеніемъ упроченнаго положенія въ свѣтъ (1830—1831 г.), весь тяжелый искусь этотъ, казалось, долженъ былъ кончиться и уступить мѣсто мирному труду, ровной, дѣя-

тельной и свѣтлой жизни... Но въ душѣ Пушкина жила потребность, мѣшавшая ему замѣнуться исключительно въ кругѣ своихъ художественныхъ идей. Онъ стогралъ жадной многосторонней общественной жизни, которая гнала его въ большой свѣтъ, гдѣ онъ думалъ найти ее, но еще сильнѣе томился онъ мучительною страстью осмыслить современныи ему бытъ, отереть законныя причины его явленій и, наконецъ, угадать смыслъ самой русской исторіи, какъ лучшаго оправданія народа и страны. Съ обычной своей энергіей онъ бросился на розыски и опредѣленія по вопросамъ и задачамъ, поставленнымъ имъ для себя, и, разумѣется, встрѣтился съ возраженіями и противорѣчіями жизни, которая поминутно разбивала его работу... Пушкинъ переходилъ отъ вѣрованій и надеждъ къ скептицизму и отчаянію. Безпрестанно падая и возставая, онъ упорствовалъ держаться противъ обличеній жизни, хотя и безъ особенныхъ надеждъ въ душѣ, но съ горделивымъ и quasi-независимымъ видомъ. Одинъ неожиданный ударъ повалилъ его на землю. Горькая обида, высланная той-же средой, объ оправданіи и интересахъ которой такъ много хлопоталъ онъ, мгновенно подняла его африканскую кровь и обнаружила опять коренныя родовыя черты его природы, нѣсколько несглаженныя временемъ и выступившія съ необычайной силой, какъ-бы послѣ долгаго отдыха. Онъ ринулся на призрачнаго врага своего, подсланнаго обществомъ и заслонявшаго его собой,—и былъ вынесенъ за жертво съ арены свѣта, которою такъ дорожилъ“ (стр. 330—332).

С. Ставринъ.